

ХАРЬКОВЪ,

25-го февраля 1882 г.

Чрезвычайно поучительна исторійка,
разсказанная въ № 61 „Южнаго Края“
за прошлый годъ г. Гаршинымъ („Ис-

торія одного начинанія“). Въ 1830 г. въ силу циркулярнаго предложенія министра внутреннихъ дѣлъ рѣшаютъ учредить въ Харьковѣ публичную бібліотеку; всѣми правдами и неправдами добываютъ книгъ и денегъ, и въ 1883 г. открываютъ ее для общественнаго пользованія. Но общество въ бібліотекѣ не нуждается и судьбой ея не интересуется. Библіотека умираетъ естественною смертію; а ея бранные остатки — книги, какъ трупъ горбуна въ извѣстной арабской сказкѣ, начинаютъ перекидывать съ рукъ на руки, пока эти остатки не находятъ успокоенія въ уголкѣ дворянскаго собранія въ качествѣ „неизвѣстно кому принадлежащаго мертваго тѣла“.

Съ дѣтства отъ учителей нашихъ слыхали мы жалобы, что исторія нашего отечества несоизмѣрима съ исторіей другихъ странъ Европы, не укладывается въ общечеловѣческія рамки. Все у насъ не по людски дѣлается, а зачастую и какъ разъ наоборотъ. Когда бы намъ жить да добра наживать, мы начнемъ „про малое и великое молвити и сами на себя крамолу ковати“. Когда бы намъ по всѣмъ расчетамъ пропасть надлежало, мы благополучно на берегъ выбираемся; иногда терпимъ то, за что бы и овца кусаться стала, а то вдругъ возмутимся духомъ, что человѣкъ не по тѣмъ днямъ въ баню ходитъ....

И въ этой незатѣйливой исторіикѣ харьковской публичной бібліотеки проявляется тотъ же законъ російской непослѣдовательности: въ то время, когда въ Харьковѣ едвали было 40 тысячъ жителей, а главное, когда его интеллигенція считалась десятками; когда въ городѣ была всего одна гимназія да и та не бывала переполнена, и правительство и городъ не жалѣли средствъ и усилій для основанія никому въ сущности не нужной бібліотеки; теперь, когда число жителей перешло за 100 тысячъ, когда 3½ гимназій, огромное реальное училище и нѣсколько женскихъ казенныхъ и частныхъ гимназій едва ли въ силахъ удовлетворить насущной потребности, когда переполненъ нашъ университетъ, полонъ ветеринарный институтъ, былъ бы полонъ и техническій, когда число людей, желающихъ читать и учиться увеличилось никакъ не пропорціонально числу народонаселенія, у насъ нѣтъ общественной бібліотеки и не предвидится въ близкомъ будущемъ.

Что такое благостроенная публичная

библіотека въ большомъ университетскомъ городѣ? Это артерія аорта въ кровообращеніи; это хлѣбный магазинъ въ голодный годъ, магазинъ, изъ котораго не убываетъ хлѣба, сколько бы его не раздавали нуждающимся; это альфа и омега самодѣтельности учащейся молодежи, а безъ самодѣтельности въ извѣстномъ возрастѣ невозможно и ученье. Въ благоустроенной публичной библіотекѣ студентъ пріобрѣтаетъ чтеніемъ столько же, сколько слушаніемъ лекцій лучшихъ профессоровъ; лекціи по извѣстнымъ предметамъ безъ библіотечныхъ занятій тоже, что курсъ анатоміи безъ атласа и анатомическаго театра.

Люди, стоящіе далеко отъ дѣла образованія молодежи и холодно, формально къ нему относящіеся, скажутъ пожалуй: на что студентамъ публичная библіотека? Для научныхъ занятій у нихъ есть своя университетская казна, отпускаетъ на нее достаточно денегъ, если она не удовлетворяетъ потребности, стало быть ея заправители виноваты; въ публичную библіотеку, если таковая устроится, студенты станутъ ходить, чтобы читать журналы и модныя книжки, а этого добра и въ частныхъ библіотекахъ довольно.

Такъ разсуждать можетъ только круглое невѣжество, которое только терпитъ науку, какъ необходимое зло. Университетская библіотека, какъ бы ни была она идеально устроена, не можетъ удовлетворять студентовъ уже по одному тому, что изъ нея книги выдаются на домъ профессорамъ въ неограниченно большомъ количествѣ. А разъ книга взята профессоромъ или даже своимъ же братомъ-студентомъ, какъ могу я навести въ ней справку, необходимую для меня сію же минуту? Въ университетскую библіотеку выписываются, большею частью, крайне спеціальныя книги, которыя затруднительно пріобрѣсти профессору для себя; а настольныхъ и популярныхъ книгъ, особенно необходимыхъ для студентовъ, профессоръ и не выпишетъ: они у него дома есть. Читальной комнаты въ нашемъ университетѣ, по извѣстной всѣмъ бѣдности помѣщенія, устроить нельзя, да еслибъ и нашолся для нея уголокъ, нельзя же требовать, чтобы многочисленный штатъ чиновниковъ, занятыхъ все утро корреспонденціей, записываніемъ и выдачей книгъ, сидѣлъ еще вечеромъ въ университетѣ; а между тѣмъ, большая часть усердныхъ студентовъ только вечеромъ и имѣютъ возможность заниматься. Достаточно, наконецъ, указать на фактъ, который мы имѣли случай наблюдать 4 мѣсяца собственными глазами: въ берлинской университетской библіотекѣ (не нашей по средствамъ чета), въ тѣ часы, когда она открыта для занятій, сидитъ отъ 3—10 студентовъ, а въ Hofbibliothek сидятъ они ежедневно, въ количествѣ 70—100 человекъ. Или другой фактъ, извѣстный всѣмъ, кто жила въ Петербургѣ: не смотря на то, что публичная библіотека отъ университета отстоитъ минимумъ на 2 версты, а университетская въ пятеро богаче нашей, въ публичной библіотекѣ (не во всѣхъ отношеніяхъ благоустроенной), по вечерамъ сидятъ десятки студентовъ: иные работаютъ, иные журналы и „модныя“ книжки читаютъ.

И за что такое гоненіе на журналы и модныя книжки, достойное времени Фамусова и Скалозуба? Модныя или „умныя“ книжки и хлестскія статьи журналовъ могутъ быть опасны для 16-ти-лѣтней институтки, неокончившей курса „за слабостью здоровья и способностей“, которая будетъ понимать въ нихъ черезъ пятое въ десятое, а не для студента, котораго строгое гимназическое начальство признало *зрѣлымъ*. Въ семьѣ не безъ урода: допустимъ даже, что въ петербургскую, московскую или кievскую (да, въ Кіевѣ уже есть библіотека и идетъ очень хорошо, см. „Южный Край“ за 1881 г., № 12) ходитъ студентъ для того, чтобы читать въ фельетонѣ „Новаго Времени“ „Нану“, или выкапываетъ старыя статьи журналовъ, гдѣ доказывается, что Шекспиръ бесполезный плохой сапожникъ и при этомъ вѣрить имъ на слово, развѣ онъ больше развратится оттого, что прочтетъ „Нану“ въ библіотекѣ, а не дома, куда заполучить ее съ трудомъ отъ товарища или изъ частной библіотеки?

Студентамъ, ветеринарамъ и болѣе состоятельной интеллигенціи, общественная библіотека можетъ служить только нѣкоторымъ подспорьемъ; сравнительно, это все привилегированные люди, имѣющіе возможность хоть какъ-нибудь удовлетворять своему умствен-

ному голоду. Общественная бібліотека (опять-таки повторяемъ: благоустроенная) будетъ служить хлѣбомъ насущнымъ для тѣхъ тысячъ харьковскихъ дѣятелей, которые не имѣютъ возможности платить 10—12 рублей въ частную бібліотеку и должны питаться третьими частями „Королевы Марго“ и „Человѣка безъ головы“.

По вечерамъ, особенно субботнимъ, и утромъ по воскресеньямъ мы не разъ имѣли случай видѣть въ петербургской публичной бібліотекѣ подростковъ лѣтъ 14—15, которые, медленно шевеля губами, читали арифметику Буссе или географію Смирнова, дѣлая каракульками замѣтки на сѣрой бумагѣ. Если такой мальчуганъ выйдетъ въ конторщики или приготовится въ техническое училище, никому не будетъ онъ обязанъ своимъ будущимъ, кромѣ зданія у памятника Екатерины. А сколько писарей, канцелярскихъ служителей, молодыхъ мѣщанъ проводятъ тамъ свои досуги, лишая трактиръ дохода! Сколько бѣдныхъ учительницъ, бывшихъ гимназистокъ, гимназистовъ, исключенныхъ изъ 3-го класса за невзносъ платы, находятъ тамъ убѣжище отъ домашней грязи и холода!

А между тѣмъ, еще разъ повторяемъ, с.-петербургская публичная бібліотека далеко не идеально устроена. Какъ можно было бы скромно и цѣлесообразно устроить общественную бібліотеку въ Харьковѣ, поговоримъ тогда, когда будетъ какая-нибудь надежда на ея существованіе.